

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/50/7

ОБРАЗ РОССИИ В ЭССЕ Д. ДОНЦОВА «DER GEIST RUSSLANDS» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА): МЕТАФОРЫ, РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ*

К.С. Шиляев

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: shilyaevc@gmail.com

Авторское резюме

Работа посвящена выявлению ключевых метафор, риторических стратегий и тактик в сочинении теоретика украинского национализма Дмитро Донцова «Der Geist Russlands» («Дух России»), вышедшем в 1961 г. на немецком языке и переведенном на английский в 1967 г. Актуальность исследования обусловлена значимостью наследия Д. Донцова в формировании идеологии украинского национализма, в том числе его современных течений (ОУН). При этом парадоксальным представляется то, что в известных нам работах, посвященных взглядам Д. Донцова, ссылки на «Дух России» обнаруживаются редко. Теоретическим обоснованием и методологической базой исследования выступает теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предоставляющая инструмент описания ключевых концептуальных метафор исследуемого текста. Концептуальная метафора рассматривается как когнитивный механизм осмысления одной сущности посредством другой и как механизм организации текста. Эссе «The Spirit of Russia» выстроено на основе ключевой текстовой метафоры религиозно-апокалиптического характера РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ. Ключевая концептуальная метафора рассматривается как организованная система концептуальных переносов с избранных автором сфер-источников (ХРИСТОС, ДЬЯВОЛ, ОДЕРЖИМОСТЬ, ЖИВОТНОЕ и др.) на релевантные сферы-мишени (РОССИЯ, РОССИЙСКИЙ НАРОД, ЗАПАД, ВОСТОК, УКРАИНА и др.). Выбор сфер-источников об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

условлен авторской интенцией и реализует основные речевые стратегии автора: создание образа врага (России), позитивного образа Украины и Европы, убеждение читателя и его побуждение к решительным политическим действиям. Кроме метафоры, данные стратегии реализуются путем регулярных противопоставлений-параллелизмов (Россия против Украины, Россия против Европы), упоминания Украины в одном ряду с европейскими странами, применения принижающих эпитетов.

Ключевые слова: Дмитро Донцов, «Дух России», украинский национализм, дискурс-анализ, речевые стратегии, концептуальная метафора.

THE IMAGE OF RUSSIA IN DMYTRO DONTSOV'S *DER GEIST RUSSLANDS* ("THE SPIRIT OF RUSSIA"): METAPHORS, DISCOURSE STRATEGIES AND TACTICS*

K.S. Shilyaev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: shilyaevc@gmail.com

Abstract

This research is an attempt to uncover the key conceptual metaphors, discourse strategies and tactics that underlie the political essay *The Spirit of Russia* by a radical proponent of Ukrainian nationalism Dmytro Dontsov. The legacy of this political thinker is still widely used by the Ukrainian nationalists (OUN) who are inspired by his ideals of race struggle, national will and his strong opposition to everything Russian. Though Dontsov's writings have garnered much attention in historical research, there are few if any studies that mention *The Spirit of Russia*, where Dontsov paints a grim picture of the supposed Russian nationalism, messianism and barbarism, and portrays Russia as a threat to the Western world. The key conceptual metaphor (megametaphor) underlying the whole essay is RUSSIA IS ANTICHRIST. It is manifested through a series of mappings from the domains of the Christian religion (CHRIST, ANTICHRIST, DEVIL, POSSESSION, BEAST, etc.) to the domains of RUSSIA, UKRAINE, EAST, WEST, etc. While these conceptual metaphors are important cognitive devices by themselves, they also serve to implement

---

* The research is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (the RF Government Grant Nr. 14.Y26.31.0014).

Dontsov's discourse strategies: to persuade the reader of the danger inherent in Russia as a state, and to create the positive image of Europe (Ukraine being a part of it) as the last bastion in the fight against evil and the negative image of Russia as the very evil to be fought against and ultimately eliminated. The tactics or discursive moves used to implement these strategies include, among others, regular usage of pejorative epithets applied to both the Soviet Russia and the Russian Empire, parallel construction that seek to negatively compare Russia to Europe, and repeated inclusion of Ukraine into the list of European countries.

Keywords: Dmytro Dontsov, Ukrainian nationalism, *The Spirit of Russia*, discourse analysis, discourse strategies, conceptual metaphor, megametaphor.

Данное исследование посвящено выявлению риторических стратегий, тактик и ключевых метафор политического эссе «The Spirit of Russia» («Дух России») идеолога украинского национализма Дмитро Донцова (1883–1973).

Дмитрий Донцов родился в Херсонской губернии в русскоязычной семье. Закончил юридический факультет Петербургского университета, стал доктором права во Львове (1917 г.). В 1920 г. перешел на позиции украинского национализма фашистского толка. Не будучи членом Организации украинских националистов (ОУН), отводил ей значительную роль в становлении украинской независимой державы, посвятил много работ идеологическому обоснованию украинского национализма. С 1947 г. до смерти жил в Канаде, продолжая писать труды националистического толка.

Д. Донцов (1883-1973).

Исследование трудов Д. Донцова продолжает оставаться актуальным в нескольких аспектах. Современные политологи и историки подчеркивают рост интереса к теоретическому наследию украинского национализма и увеличение количества печатных изданий, посвященных его различным аспектам, на Украине. Отмечается, что эти публикации не только служат исследовательским целям, но и оказывают «мощное влияние на позиции украинского населения» (Жильцов 2014: 22). Националистическая идеология в той или иной степени используется многими современными украинскими политическими деятелями и движениями, но ее теоретическая база продолжает основываться на сочинениях идеологов середины XX в., часто без какой-либо адаптации к современным условиям (Жильцов 2014: 30).

Д. Донцов рассматривается исследователями наряду с другими идеологами украинского национализма (Н.И. Михновский, М.П. Драгоманов, М.С. Грушевский, В.К. Липинский и др.) и считается одной из наиболее ярких фигур. Будучи идеологом украинского национализма фашистского толка (Ткаченко 2006: 201), главной идеей внешней политики Д. Донцов полагал отделение от России и интеграцию в Европу, видя в этом решение как внутренних, так и внешних проблем (Сосновский 1974: 204–208). В центре его идеологии стоит абсолютизация идеи о неизбежной борьбе рас за выживание. Эта идея держится на воле, «на бездоказательном порыве, не нуждающемся ни в каких аргументах» (Ткаченко 2006: 202). Суть как раннего, так и позднего национализма Донцова емко выражена в словах С. Бандеры, на которого сочинения Д. Донцова оказали большое влияние: «Врагом был не только данный режим – царский или большевистский; сама московская нация» (Ткаченко 2006: 203). «Росія – одвічний стратегічний і містичний ворог України. Саме так ставить питання Дмитро Донцов. Там, де є Україна, нема місця для Росії і навпаки» (Квіт 2013: 121).

Анализируемая работа относится к послевоенному периоду и ориентирована на «поиск врагов (русские, поляки, евреи) и противопоставление себя им» (Жильцов 2014: 27). Поздний период творчества Д. Донцова окрашен в первую очередь мистицизмом. Среди наиболее исследованных сочинений, написанных в этом русле, можно выделить «Хрестом і мечем» и «Дух нашої давнини». Анализируемое в нашей работе эссе «The Spirit of Russia» до настоящего времени очень редко и фрагментарно попадало в поле зрения исследователей (упоминания о существовании сочинения в (Жильцов 2014)).

Работы этого периода отражают перемены в умонастроении Д. Донцова: после краха надежд на становление украинского национализма и поражения фашистского режима во Второй мировой

войне он начинает искать развязки в мистицизме (Сосновский 1974: 347–353; Квіт 2013: 142). Его отношение к религии и к христианству в частности радикально меняется: национализм увязывается с идеями мистической апокалиптической борьбы Востока и Запада. Данное изменение представляется вполне находящимся в русле многих теоретиков национализма (Загребельный 2012: 91–95), однако необходимо учитывать, что, как отмечает Сосновский, перемены взглядов Донцова были обусловлены прежде всего практической политической необходимостью (Сосновский 1974: 88). Среди общих характеристик данного периода исследователи отмечают вождизм, фашизм, антиматериализм, антирационализм, мистицизм, антипацифизм, романтизм, догматизм и иллюзионизм, фанатизм и аморальность (Зайцев 2013: 10–11).

Анализируемое политическое эссе было напечатано в Лондоне издательством «Ukranian Information Service» (далее – УИС) на английском языке (Donzow 1967). Оригинал был написан и опубликован Д. Донцовым на немецком языке (Doncov 1961); в 2011 г. был издан перевод на украинский язык (Донцов 2011). Переводчик на английский язык не указан, что позволяет предположить, что им является сам автор, хорошо владевший европейскими языками (Квіт 2017). Целью УИС являлись «мобилизация общественного мнения» в Соединенном Королевстве, «информирование о событиях на Украине» украинской диаспоры в США, распространение информации в британской прессе и «среди отдельных влиятельных лиц» (Ukrainian 2017). Основываясь на выделенных в сочинении образах, можно предполагать, что политическое эссе Д. Донцова «The Spirit of Russia» рассчитано на читателя указанных выше национальностей, сторонника «европейской демократии», носителя европейских ценностей и культуры или причисляющего себя к таковым, знакомого с мировой, в том числе русской, литературой. В свете анализируемых далее концептуальных метафор представляется, что читатель также должен разделять христианскую религиозную картину мира – в противном случае персуазивная стратегия, согласно которой был спланирован текст, скорее всего, не работает.

С точки зрения лингвистики, «The Spirit of Russia» можно отнести к политическому дискурсу, жанру политической эссеистики. Политический дискурс, как правило, ориентированный на широкую аудиторию, характеризуется установкой на психологическое воздействие, изменение когнитивных структур читателя (Смирнова 2014: 5). Многие жанры политического дискурса ориентированы на побуждение получателя сообщения к определенного рода действиям. Как отмечает Е.И. Шейгал (2008: 18), специфика политики как сферы

человеческой деятельности заключается в ее дискурсивном характере: действовать в политике означает говорить. В свою очередь, специфику политического текста определяют «автор письменного текста, ситуация, исторический контекст, мотивация и цель» (Водак 1997: 25). В контексте современной политической лингвистики эти параметры исследуются в парадигме речевых стратегий и тактик политического дискурса (О.С. Иссерс, Г.А. Копнина, О.Л. Михалева, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Т. ван Дейк и др.).

В нашем исследовании мы будем придерживаться определений речевой стратегии и тактики, представляющихся вполне общепринятыми: речевая стратегия рассматривается как «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач» (Иссерс 2008: 182; ср.: Олешков 2006: 41; Копнина 2012: 46–52; Иссерс 2016: 108 и др.). Как правило, стратегия является более широким понятием, соотносимым с глобальными целями коммуникатора в дискурсе, а тактика – более узким, проявлением стратегии в совокупности речевых действий. Тактическая реализация стратегий в конкретных дискурсивных условиях практически всегда подвергается модификации (Иссерс 2008: 100), что позволяет говорить не только об общих стратегиях, характерных для политического дискурса, но и о тактиках их реализации в дискурсе конкретного автора или конкретном сочинении.

Хотя в современной отечественной лингвистике не существует единой классификации стратегий и тактик (Ерохина 2014), для многих жанров политического дискурса, в том числе жанра политического эссе, к которому мы относим исследуемое произведение, ведущей считается персуазивная стратегия (Логинова 2004: 26; Смирнова 2014: 5). Как отмечает И.Ю. Логинова, коммуникатор преследует две коммуникативно-прагматические интенции: воздействовать на сознание адресата, его мнение, оценки и побудить его к совершению определенных действий, так или иначе изменить его поведение (Логинова 2004: 30). Метафора как средство концептуализации действительности позволяет достичь этих целей двумя способами: аргументацией путем представления явления в новом свете в терминах другого явления (воздействие на когницию) и апелляцией к эмоциям (используя имплицитную и эксплицитную оценочность, заложенную в концептуальной метафоре). Во многих работах, вслед за О.С. Иссерс, Е.И. Шейгал, О.Л. Михалевой, исследователи выделяют стратегию формирования положительного образа и стратегию дискредитации, опирающиеся на семантическую оппозицию «свой – чужой». В анализируемом эссе Д. Донцова все три упомянутые стратегии реализуются с помощью ключевой концептуальной метафоры.

В исследовании политического дискурса метафорология занимает особое место. Начиная с 1990-х гг. количество публикаций в этой области в России и за рубежом неуклонно растет (Будаев, Чудинов 2006, 2008; Lakoff 2014). В рамках политической метафорологии особое значение приобрела теория концептуальной метафоры (Lakoff 1993; Steen 2011), где метафора рассматривается как средство концептуализации мира с помощью переноса понятий из одной области в другую, так что одна сущность мыслится в терминах другой (ср. часто выделяемые политические метафоры ГОСУДАРСТВО – ЭТО ОРГАНИЗМ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР – ГОЛОВА и т. п.). Когнитивному механизму концептуальной метафоры отводится значительная роль в формировании как «каждодневного», так и политического мышления. Метафоры могут играть определяющую роль в изображении конфликтов, позиций политических сил, политических противников. Когнитивный потенциал метафоры оказывает влияние на «конструирование социальной реальности» определенной группы людей (Будаев, Чудинов 2006: 47) и позволяет реализовать манипулятивное воздействие как путем аргументации, так и путем апелляции к эмоциям (Михалева 2009), в том числе в политически разнонаправленных медийных источниках (Резанова, Шилиев 2015а).

В нашем исследовании используется понятие ключевой текстовой метафоры – концептуальной метафоры, организующей текстопорождение (Резанова 2007; Rezanova, Shilyaev 2015b) и объединяющей более частные концептуальные метафоры, которые, в свою очередь, реализуются на лексическом уровне в виде отдельных метафорических выражений. Ключевая метафора может не быть проявлена как таковая на поверхностном уровне текста, но при этом функционировать в качестве его организующего механизма. В анализируемом политическом эссе Д. Донцова такой метафорой выступает РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ.

Развертывание данной метафоры в тексте «The Spirit of Russia» является средством реализации стратегии создания образа врага. В рамках идеологии волевого национализма Д. Донцова метафора выступает средством не только концептуализации, но и создания сопутствующего отношения, оценки, руководимой прежде всего эмоциями. Исследователи неоднократно отмечают, что Донцов, будучи не только политиком, но и литературным критиком, «был мастером пера» и вызывал сильные аффекты в читающей аудитории (Полищук 2009: 253). И.В. Шлихта в исследовании образа России в работах Д. Донцова периода 1921–1939 гг. подчеркивает, что он «принципово не відрізняється від цього ж образу в його працях попереднього періоду», однако уже в этот период «Росія... остаточно набула статус

зла метафізичного, тобто такого, що не може бути раціонально пізнаним» (Шлихта 2013: 143).

Первая, самая крупная часть сочинения озаглавлена «The Forces of the Antichrist». С первых страниц Россия и Запад противопоставляются в борьбе. Противопоставление оформляется путем позиционирования противоборствующих сторон в апокалиптическом конфликте сил Добра и Зла, христианского мира и дьявола: «It is a struggle between the ancient Christian civilization of the West and the forces of the Devil, which are preparing their last onslaught on the former». С помощью метафоры противоборствующих сил реализуется еще одна функция – нагнетание атмосферы назревающего неизбежного конфликта между Россией и западным миром в виде финального сражения. В русле поворота от утверждения идеологического национализма к мистицизму Д. Донцов уточняет, что эта битва пройдет не за партийные ценности, но за души людей, «созданных по подобию Божию»: «not a struggle for territories or party programmes, but a struggle for the soul of man created in God's likeness». Такое изображение конфликта призвано усилить воздействие на читателя за счет «снятия» метафорического прочтения: Донцов стремится убедить читателя, что перед ним не просто религиозная метафора, а описание реального исторического, многовекового конфликта: «the great conflict between two forms of civilization, between two political, social, cultural and religious ideals, – the conflict between Europe and Russia».

Украина изображается как авангард борьбы против силы зла: «Ukraine was the first to take up the fight against this evil power». Тем не менее необходимо отметить, что, в отличие от других сочинений Донцова, в данном эссе Украине отведена второстепенная роль. В сочинении она представлена как жертва «московитской» агрессии («...inflicted on Ukraine and other nations... conquered by Muscovites») и одновременно как проповедница и защитница общечеловеческих ценностей: «Ukrainian Hetman Mazepa who, like the free Caucasians, brandished the sword of freedom against tyranny and evil». Украина открыто позиционируется как часть романо-германского мира и противопоставляется миру «московитов»: «the Romanic-Germanic world, to which the West Slavs and Ukrainians alike belong, and the Russian Muscovite world».

«Сила зла» действует скрытно, подчас затаиваясь, она исходит от Москвы и в «последние времена» проявляет свое мрачное лицо под красным знаменем: «For this power had, in the first place, emanated from Moscow and then remained invisible for a long time»; «...showed its grim countenance and its red banner». В анализируемом сочинении Донцова повсеместно встречаются не только ключевая концептуальная

метафора РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ, но и когнитивная метонимия МОСКВА (МОСКОВИТЫ) ВМЕСТО РОССИИ.

В работе Д. Донцова активно используются когнитивные метонимии, одними из которых являются НАРОД ВМЕСТО СТРАНЫ и ЧЕЛОВЕК ВМЕСТО НАРОДА. Данные метонимии естественны в националистической концепции Донцова, утверждающей, что в России человек не имеет индивидуальности и тождествен коллективу: «In primitive communities... (t)he individual does not, as yet, live by his own thoughts, but merely by the collective intellect of the masses». Поскольку, в отличие от когнитивной метафоры, когнитивная метонимия является двунаправленной (Littlemore 2015), с помощью данного когнитивного механизма все характеристики русского человека как индивида могут быть риторически перенесены на общество, а характеристики общества – на индивида. Среди таких характеристик отмечаются примитивизм, отсутствие элементарных свобод и др.: «In Russia, however, as in all other *primitive* communities... *Insecurity and passivity of the individual, lack of legal mentality, complete absence of autonomous morality...* these are the chief characteristics of the Russian society». Эти характеристики создают в эссе Д. Донцова образ, полностью противоположный образу Европы. Столкновение этих образов имеет целью убедить читателя в неизбежности конфликта: «On one side, Russia, – on the other, Europe»; «irreconcilable hostility between his country and Europe»; «the national fight of the East against Europe» и многие другие цитаты.

Одной из постоянных тактик аргументации является отсылка к цитатам из Евангелий и Апокалипсиса. Цитаты, как правило, оформлены в кавычках и снабжены ссылками на главы и строки: «Our age is one of those eras of which it is prophesied in the Gospels: “And ye shall hear of wars and rumours of wars... For nation shall rise against nation, and kingdom against kingdom...” (Matthew, Ch. 24; Luke, Ch. 21)», «By their fruits ye shall know them». Реже они подаются как прямые высказывания Донцова, приобретающие пророческий тон (но, несомненно, являющиеся узнаваемыми аллюзиями и для автора, и для целевой аудитории): «he who cooperates with the Devil, builds on sand and that his house will fall». В следующем фрагменте, содержащем аллюзию к евангельскому повествованию о гадаринском бесноватом, мы находим объединение нескольких когнитивных метонимий: СТОЛИЦА ВМЕСТО ГОСУДАРСТВА, ГОСУДАРСТВО ВМЕСТО КОНКРЕТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ: «Moscow reminds one of the man in the Bible who was possessed of an unclean spirit, who screamed and hurled himself against stones, who rent his chains asunder, and no one had strength to tame him». В данном случае на Россию переносятся не только смыслы одержимости и безумия, но и чрезвычайной силы и опасности, неукротимости.

В интерпретации Д. Донцовым всех библейских фрагментов сохраняется общее направление метафорического переноса, обусловленное интенцией формирования образа врага. В рамках ключевой текстовой метафоры РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ осуществляется создание негативного образа российского народа, что вполне в духе донцовского национализма, проповедующего не только и не столько борьбу идей, сколько борьбу воли народов.

Другой распространенной речевой тактикой убеждения читателя и создания образа врага является обилие ссылок на целый спектр *росcийских* авторов: «Indeed, all the panegyrists of tsarist, democratic and Bolshevik Russia endeavour to persuade the world in general of this fact». Писатели императорской и советской России объявляются откровенными сатанистами, к ним применяются нелестные эпитеты: «Pushkin flirts with his Devil; the epileptic Dostoievsky, the panegyrist of the mad, the degenerates, and those possessed of Satan»; «(a) similar prophet of the Devil was S. Yesenin». Сочинение изобилует аналогичными ссылками (М. Voloshin, V. Ivanov, М. Gorky, A. Chekhov, A. Blok, M. Lermontov, F. Tyutchev) при составлении негативного портрета русского человека и русского народа. Со ссылками на публицистов и философов обосновывается антагонизм Европы и России (K. Leontyev, D. Merezhkovsky, V. Belinsky, S. Bulgakov, V. Rozanov, A. Herzen, Yu. Samarin). С помощью данной тактики Д. Донцов как бы «бьет врага его же оружием»: подбирает цитаты, содействующие достижению его риторических целей.

Народ России, как и его правители, находятся под влиянием злой, демонической силы: это ее слепой инструмент и раб («*the willing and obedient tool of the power of darkness and their blind slaves*»). Под влиянием безбожных учений его душа лишена понятия о Боге, а сам он заражен «гнилостью» («*to infect man's mind, his heart and his will with rottenness*»). Такое положение низводит российский народ в статус животного, лишённого главного, по националистическому учению Донцова, – воли: «(the Russian people) will promptly become *a pack of wild beasts or a herd of domestic animals* and will willingly allow themselves to be pushed into an iron cage or into a pen». Д. Донцов обвиняет большевиков в низведении русского человека до этого состояния: «they have created a state of affairs in which *man behaves like a ravenous wolf towards his neighbours*». Но еще худшим является то, что человек стал самим дьяволом по отношению к себе подобным: «*man became a devil towards his fellow-men*». В данном случае Д. Донцов цитирует М. Волошина, но и сам добавляет: «*in Russia, in the land of demonic slavery*». В другом месте Донцов прямо говорит, что большевики создали ад, *hell*, вместо обещанного рая. В рамках этой же метафоры вместо ангела-хранителя у русского человека оказывается приставник дьявола («*In place of a guardian angel, there*

is a keeper of the Devil»), с которым он так сроднился, что чувствует себя брошенным в его отсутствие («in whose absence the Russian feels “deserted”»). Русский народ живет в плену обмана и неверного представления о жизни, но при этом предпринимает попытки грандиозных преобразований и свершений, которые в исследуемом эссе уподоблены Вавилонской башне: «On this superficial foundation, on this sandy soil, he builds up his intention: “I shall found a mad tower” over the illusion of life – as all Russians do in accordance with the famous example of the tower of Babel». Отметим, что здесь автор использует модификацию притчи Христа и соединяет две библейские аллюзии – русский народ основывает «безрассудную башню» на песке, ср.: «Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить?» (Лк. 14: 28–30) и «...уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7: 24–27).

Отдельное место в сочинении Донцова занимают коммунисты-большевики, чей образ также формируется в рамках ключевой текстовой метафоры РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ. Наиболее частым наименованием большевиков является false prophets – лжепророки (лексема *ложь* и ее производные в целом по тексту часто соседствуют с наименованиями русского народа или метонимически замещающими его наименованиями). В ряд лжепророков включается не только лидер большевиков В.И. Ленин, но также «предтечи прогрессистской доктрины»: «the false prophets – the Frenchman Rousseau, the Jew Marx, and the Russian Lenin». Их целью является разрыв со Христом («to effect the severance from Christ») и поклонение маммоне («one should worship the material things in life, mammon, profit and pleasure»).

Метод, при помощи которого действуют «лжепророки», органично встроен в ключевую метафору эссе «The Spirit of Russia» – это обман (ср.: Ин. 8:44: «Ваш отец диавол»; «...Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи»). Д. Донцов изображает серию подмен, якобы совершенных большевиками: «as they promised everyone the annihilation of absolutism and autocracy, they have introduced an autocracy; as they promised the “common people” freedom, they have imposed a servitude a thousand times worse on them» и т. д. Коммунизм Донцов метафорически изображает как новую религию: «inasmuch as they claimed that they would free human reasoning from the compulsory dogmas of religion, they have created a dogmatism and a conformism such

as no theocracy has ever known». Божественные заповеди заменены заповедями дьявола («*promised to abolish the divine Commandments; they have introduced the commandments of the Devil*») и содержатся в евангелии большевиков («*the "Gospel" of the said false prophets*»; «*they declare in their "Gospel" that they have been sent by the Devil to change the world into chaos*») – «Евангелии от св. Маркса» («*take their oath not on the Gospel of St. Mark, but on that of St. Marx*»).

В предыдущем изложении акцент был сделан на современное Д. Донцову состояние России и метафорический способ создания ее образа. Однако нужно отметить, что сферой-мишенью в данном случае является Россия в целом, так как в рамках донцовской националистической доктрины основным «виновником» описанных бед является «дух России», «московский дух». В рамках ключевой текстовой метафоры РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ волхвы-большевики (the Bolshevik magicians) выступают *преемниками* поклонников темных сил: «*new regime returned to the protection of that dark power which the previous regime had already obeyed*». Большевизм есть такое же проявление московского мессианизма (Muscovite Messianism или, как уточняет сам Донцов, Pan-Muscovitism), как и царский империализм: «*Bolshevism, as its designation signifies, is a Muscovite and, indeed, primarily a Muscovite phenomenon*». Он преследует те же идеалы («*the same national Muscovite ideal, which necessitates the decline of Europe*»), но теперь под знаком миссии российского пролетариата («*world mission of the Russian proletariat*»).

В уста России вкладывается фашистский дискурс: воинствующая вера в избранность русского народа («*a deep mystical belief in the great predestination, in the world mission of the Muscovite people*»; «*a people chosen by God*»), его статус высшей расы сверхлюдей. Остальные народы именуются «низшими»: «*a people of "supermen" a "higher race", was to make all the "lower races" happy and bring them under Russian rule*». По отношению к ним дозволено делать все: «*are Russians, the "chosen people", who, whatever they may do, do everything "for the good of mankind"*». Обвиняя Россию в фашизме и мессианизме, Д. Донцов сам пропагандирует насилие: в четвертой части эссе он призывает все европейские народы на борьбу с «Апокалиптическим Драконом» – Россией. Украина, Польша и Венгрия записываются в авангард борьбы («*these peoples fought their heroic fight against the Apocalyptic Dragon of Moscow*»), в то время как остальные нации обвиняются в бездействии или потворстве большевикам. На последней странице эссе Донцов прямо призывает новые европейские элиты «убить дракона» – «*kill the Apocalyptic Dragon of Moscow*».

Таким образом, ключевая текстовая метафора РОССИЯ – ЭТО АНТИХРИСТ в эссе Д. Донцова «The Spirit of Russia» реализует стратегии

персуазивности, создания положительного образа (Украина и Европа как авангард христианской цивилизации – «свои») и дискредитации путем создания образа врага – России и ее народа как силы Антихриста («чужие»). Регулярная метафоризация и метонимизация позволяют Д. Донцову осуществлять широкие обобщения и риторические подмены, переносить свойства с различных элементов религиозно-мистической сферы на политико-историческую, создавая негативный, обесчеловеченный образ России и российского народа. В традиционных формулах частные концептуальные метафоры исследуемого сочинения могут быть расписаны следующим образом: РОССИЯ – АНТИХРИСТ; РОССИЯ – АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ДРАКОН; ЗАПАД – ХРИСТОС, ВОСТОК – ДЬЯВОЛ; БОРЬБА ЗАПАДА И РОССИИ – БОРЬБА ХРИСТА И АНТИХРИСТА; МОСКВА – СРЕДОТОЧИЕ ЗЛА; ДЕЙСТВИЯ МОСКВЫ – ДЕЙСТВИЯ АНТИХРИСТА; БОЛЬШЕВИКИ – ЛЖЕПРОРОКИ; БОЛЬШЕВИКИ – СЛУГИ АНТИХРИСТА; НАРОД РОССИИ – ИНСТРУМЕНТ; НАРОД РОССИИ – БЕСНОВАТЫЙ; НАРОД РОССИИ – ВАРВАР; НАРОД РОССИИ – РАБ; НАРОД РОССИИ – ЖИВОТНОЕ; НАРОД РОССИИ – БЕС; НАРОД РОССИИ – САТАНИСТ. На реализацию основных стратегий, проявленных в сочинении, работают и более частные речевые тактики: цитирование тенденциозно подобранных цитат из классиков русской литературы и публицистики, регулярное использование принижающих и оскорбительных эпитетов, параллелизмы в противопоставлении России и Европы, риторическое блокирование Украины с Европой.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев, Чудинов 2006 - *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.

Будаев, Чудинов 2008 - *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008. 248 с.

Водак 1997 - *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Донцов 2011 - *Донцов Д.* Дух Росії. К.: Українська видавнича спілка ім. Ю. Липи, 2011.

Ерохина 2014 - *Ерохина Е.Г.* К содержанию понятия «речевая стратегия» в исследовании письменного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2. С. 277–281.

Жильцов 2014 - *Жильцов С.С.* Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 4. С. 21–36.

Загребельний 2012 - *Загребельний І.В.* Особливості націоналістичної інтерпретації християнства // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXII. С. 91–95.

Зайцев 2013 - *Зайцев О.* Доктрина Дмитра Донцова та її вплив на націоналістичний рух 1920–1940-х років // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2013. № 24. С. 1–19.

Иссерс 2008 - *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Иссерс 2016 - *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. 4-е изд. М.: Флинта, 2016. 224 с.

Квіт 2013 - *Квіт С.* Дмитро Донцов: ідеологічний портрет. Львів: Галицька видавнича спілка, 2013. 192 с.

Квіт 2017 - *Квіт С.* Дмитрий Донцов: диалектика борьбы за независимое государство // Зеркало недели. Украина. 2017. URL: https://zn.ua/HISTORY/dmitriy-doncov-dialektika-borby-za-nezavisimoe-gosudarstvo_.html (дата обращения: 11.09.2017).

Копнина 2012 - *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. 4-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2012. 170 с.

Логинова 2004 - *Логинова И.Ю.* Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 195 с.

Михалева 2009 - *Михалева О.Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

Олешков 2006 - *Олешков М.Ю.* Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил, 2006. 336 с.

Полищук 2009 - *Полищук В.В.* Проблемы этики в доктрине Д. Донцова // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 1. С. 232–254.

Резанова 2007 - *Резанова З.И.* Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.

Резанова, Шияев 2015а - *Резанова З.И., Шияев К.С.* Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // Русин. 2015. № 4 (42). С. 217–234.

Смирнова 2014 - *Смирнова И.В.* Лингвопрагматическая стратегия персуазивности в текстах программ испанских политических партий: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 139 с.

Сосновский 1974 - *Сосновський М.* Дмитро Донцов – політичний портрет: з історії розвитку ідеології українського націоналізму. Нью Йорк; Торонто: Trident International, Inc., 1974. 419 с.

Ткаченко 2006 - *Ткаченко Г.С.* Дмитрий Донцов // Без права на реабилитацию. 2-е изд. Киев, 2006. Кн. I.

Шейгал 2008 - *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2008. 326 с.

Шлихта 2013 - *Шлихта И.В.* Образ внешнего врага в сочинениях Дмитрия Донцова 1921–1939 годов // Интеллигенция и власть. 2013. № 28. С. 142–152.

Doncov 1961 - *Doncov D.* Der Geist Russlands. Munchen-Lochhausen: Schild-Verlag, 1961.

Donzow 1967 - *Donzow D.* The Spirit of Russia // The Real Face of Russia. Essays and articles / ed. Volodymyr Bohdaniuk. London: Ukrainian Information Service, 1967. 272 p.

Lakoff 2014 - *Lakoff G.* The All New Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2014.

Lakoff 1993 - *Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / ed. Andrew Ortony. Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Littlemore 2015 - *Littlemore J.* Metonymy. Cambridge University Press, 2015.

Rezanova, Shilyaev 2015b - *Rezanova Z., Shilyaev K.* Megametaphor as a coherence and cohesion device in a cycle of literary texts // *Lingua Posnaniensis*. 2015. Vol. 57, № 2. DOI: <https://doi.org/10.1515/linpo-2015-0009>

Steen 2011 - *Steen G.J.* The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // *Review of Cognitive Linguistics*. 2011. Vol. 9, № 1. P. 26–64.

Ukrainian 2017 - Ukrainian Information Service // Ukrainians in the UK. URL: <http://www.ukrainiansintheuk.info/eng/03/uis1946-e.htm> (дата обращения: 11.09.2017).

REFERENCES

Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2006) *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2008) *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* [Political metaphor studies abroad]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Vodak, R. (1997) *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Volgograd: Peremena.

Dontsov, D. (2011) *Dukh Rosii* [The Spirit of Russia]. Kyiv: Ukraïns'ka vidavni-cha spilka im. Yu. Lipi.

Erokhina, E.G. (2014) K soderzhaniyu ponyatiya "rechevaya strategiya" v issledovanii pis'mennogo diskursa [On the notion of discourse strategy in research on written discourse]. *Vestnik IGLU – Bulletin of Irkutsk State University of Linguistics*. 2. pp. 277–281.

Zhiltsov, S.S. (2014) The origins of contemporary Ukrainian Nationalism. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya – Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series Political Sciences*. 4. pp. 21–36. (In Russian).

Zagrebelniy, I.V. (2012) Osoblivosti natsionalistichnoï interpretatsiï khristiyanstva [Nationalistic interpretations of Christianity]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*. 32. pp. 91–

95.

Zaytsev, O. (2013) *Doktrina Dmitra Dontsova ta її vpliv na natsionalistichniy rukh 1920–1940-kh rokiv* [Dmytro Dontsov's doctrine and its influence on the nationalist movement in the 1920s–1940s]. *Ukraina: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'* [Ukraine: cultural heritage, nationality, sovereignty]. 24. pp. 1–19.

Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Discourse strategies and tactics in Russian speech]. Moscow: LKI Publishing.

Issers, O.S. (2016) *Rechevoe vozdeystvie* [Manipulation in discourse]. Moscow: Flinta.

Kvit, S. (2013) *Dmitro Dontsov: ideologichnyi portret* [Dmytro Dontsov: the ideological portrait]. Lviv: Galician Publishing Union.

Kvit, S. (2017) *Dmitriy Dontsov: dialektika bor'by za nezavisimoe gosudarstvo* [Dmytro Dontsov: the dialectics of struggle for a sovereign state]. *The Weekly Mirror. Ukraine*. [Online] Available from: https://zn.ua/HISTORY/dmitriy-doncov-dialektika-borby-za-nezavisimoe-gosudarstvo_.html (Accessed: 11th September 2017).

Kopnina, G.A. (2012) *Rechevoe manipulirovanie* [Manipulation in discourse]. Moscow: Flinta.

Loginova, I.Yu. (2004) *Lingvopragmaticheskie osobennosti teksta programmy politicheskoy partii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguistic and pragmatic features of the programmes of political parties (in the English language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Mikhaleva, O.L. (2009) *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Manipulation in political discourse]. Moscow: LIBROKOM.

Oleshkov, M.Yu. (2006) *Modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Modeling the process of communication]. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social Pedagogic Academy.

Polishchuk, V.V. (2009) *Problemy etiki v doktrine D. Dontsova* [Ethical problems in D. Dontsov's doctrine]. *POLITEKS*. 5(1). pp. 232–254.

Rezanova, Z.I. (2007) *Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funktsionirovaniya* [Metaphor in texts on linguistics: functional types]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Bulletin. Philology*. 1. pp. 18–29.

Rezanova, Z. & Shilyaev, K. (2015a) *Ukraine and Russia in the social conflict: metaphorical modeling in Russian media discourse*. *Rusin*. 4(42). pp. 217–234. DOI: 10.17223/18572685/42/15

Smirnova, I.V. (2014) *Lingvopragmaticheskaya strategiya persuazivnosti v tekstakh programm ispanskikh politicheskikh partiy* [Linguistic and pragmatic persuasion strategy in the programs of Spanish political parties]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Sosnovskiy, M. (1974) *Dmitro Dontsov – politichnyi portret: z istorii rozvitku*

ideologii ukrains'kogo natsionalizmu [Dmytro Dontsov – a political portrait. On the history of development of Ukrainian nationalism]. New York–Toronto: Trident International, Inc.

Tkachenko, G.S. (2006) *Dmitriy Dontsov. Bez prava na rehabilitatsiyu* [Dmitry Dontsov. No right to rehabilitation]. Book I. Kyiv: [s.n.]. pp. 195–199.

Sheygal, E.I. (2008) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.

Shlikhta, I.V. (2013) *Obraz vneshnego vraga v sochineniyakh Dmitriya Dontsova 1921–1939 godov* [The image of the enemy in the works by D. Dontsov in 1921–1939]. *Intelligentsiya i vlast'*. 28. pp. 142–152.

Doncov, D. (1961) *Der Geist Russlands* [The Spirit of Russia]. Munich-Lochhausen: Schild-Verlag.

Donzow, D. (1967) The Spirit of Russia. In: Bohdaniuk, V. (ed.) *The Real Face of Russia. Essays and articles*. London: Ukrainian Information Service.

Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge University Press. pp. 202–251.

Lakoff, G. (2014) *The All New Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate*. Chelsea Green Publishing.

Littlemore, J. (2015) *Metonymy*. Cambridge University Press.

Rezanova, Z. & Shilyaev, K. (2015b) Megametaphor as a coherence and cohesion device in a cycle of literary texts. *Lingua Posnaniensis*. 57(2). DOI: <https://doi.org/10.1515/linpo-2015-0009>

Steen, G.J. (2011) The contemporary theory of metaphor—now new and improved! *Review of Cognitive Linguistics*. 9(1). pp. 26–64. DOI: 10.1075/rcl.9.1.03ste

Ukrainian Information Service. (n.d.) *Ukrainians in the UK*. [Online] Available from: <http://www.ukrainiansintheuk.info/eng/03/uis1946-e.htm> (Accessed: 11th September 2017).

Шияев Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Shilyaev Konstantin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shilyaevc@gmail.com